

CONNECTIONS

The Quarterly Journal

Том XIV, № 1

Зима 2014

Европейская и евразийская безопасность: точки зрения из России.....	1
«Возвышение» Китая глазами России: Источник угроз или новых возможностей?.....	3
<i>Анастасия Соломенцева</i>	
Россия и события «арабской весны».....	44
<i>Александр Высоцкий</i>	
Взгляд России на отношения с Грузией после выборов 2012 г.: последствия для региональной безопасности.....	70
<i>Николай Силаев и Андрей Сушенцов</i>	
«Цветные революции» и «Арабская весна» в российском официальном дискурсе	95
<i>Юлия Никитина</i>	
Политика России в эпоху перемен: внешние и внутренние факторы трансформации	113
<i>Денис Алексеев</i>	
Украинский кризис и его влияние на реализацию проекта создания Евразийского экономического союза	132
<i>Марина Лапенко</i>	
Передача власти в Центральной Азии и угрозы региональной стабильности	149
<i>Сергей Ю. Шенин</i>	

Взгляд России на отношения с Грузией после выборов 2012 г.: последствия для региональной безопасности

Николай Силаев и Андрей Сушенцов *

Резюме: Цель настоящей монографии – проанализировать, как политические события, развивавшиеся в Грузии с момента проведения парламентских выборов 2012 г., повлияли на российско-грузинские отношения. Сначала авторы рассматривают последствия изменений в политике Грузии в отношении Кавказа, России и евроатлантического региона. Затем в работе оцениваются возможности оптимизации взаимодействия между Россией и Грузией; в ходе этой оценки изучаются следующие три аспекта двусторонних связей: создание общей экономической зоны на территории между РФ, Грузией, Южной Осетией и Абхазией; преобразование политики Грузии в отношении Северного Кавказа с переориентацией на сотрудничество с Москвой; а также последствия евроатлантической интеграции Грузии для региональной безопасности. Авторы считают, что не стоит говорить об обострении российско-грузинских отношений как о чем-то неизбежном – у этих отношений есть потенциал для дальнейшего развития.

Ключевые слова: российско-грузинские отношения; внутренняя политика Грузии; Южная Осетия; Абхазия; международные отношения на Кавказе.

В октябре 2012 г. в Грузии сменилась власть. С этого момента Россия и Грузия переломили патовую ситуацию в своих отношениях, которые – несмотря на скептическую позицию представителей обеих сторон – стали нормализоваться.¹ Государства наладили политический диалог. Заместитель министра иностранных дел РФ Григорий Карасин регулярно встречался со Специальным представителем премьер-министра Грузии по связям с РФ Зурабом Абашидзе. Враждебная риторика с обеих сторон заметно поутихла. На прилавках российских магазинов снова появилась грузинская продукция, а численность путешествующих по Грузии россиян выросла на 40%. В Грузинском парламенте рассматриваются поправки к Закону «Об оккупированных территориях». Ожидается, что въезд российских гражд-

* Николай Силаев – российский политолог, специализирующийся на Кавказе, выпускник исторического факультета МГУ и доктор исторических наук. С 2004 г. работает старшим научным сотрудником в Центре проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО. Силаев возглавляет некоммерческое партнерство «Кавказское сотрудничество» – организацию, содействующую развитию международных контактов с Кавказом.

Андрей Сушенцов – российский политолог-американолог. Выпускник исторического факультета МГУ, доктор исторических наук, старший преподаватель кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО. В 2007 г. читал лекции в Джорджтаунском университете, в 2008 г. – в Университете Джона Хопкинса. Сушенцов – член Ассоциации международных исследований (США). Корреспонденцию направлять ответственному автору по эл. адресу: asushentsov@yandex.ru.

¹ Николай Силаев и Андрей Сушенцов, *Грузия после выборов и перспективы российско-грузинских отношений* (М.: МГИМО, 2012).

дан в Абхазию и Южную Осетию без разрешения Грузии будет впервые исключен из перечня уголовно наказуемых деяний. Кроме того, страны укрепили связи в культурной сфере; отмечается активное взаимодействие между представителями научных кругов России и Грузии.

До начала сочинской олимпиады 2014 г. Премьер-министр Грузии Бидзина Иванишвили предложил Москве помощь в организации безопасности данного мероприятия. Арест Михаила Кадиева, Ризвана Омарова² и Юсупа Лакаева, подозревавшихся в убийстве представителей российских органов власти, тоже можно рассматривать как результат сотрудничества Грузии и РФ в области безопасности. Такого рода взаимодействие особенно важно с учетом того, что, как сказал российский Президент Владимир Путин в 2013 г., «эффективность совместного противодействия терроризму, возможно, является первым шагом на пути восстановления между двумя странами безвизового режима».³

Разумеется, наряду с симптомами нормализации отношений между Россией и Грузией этому препятствуют серьезные и неизбежные – с учетом длительного периода противостояния Москвы и Тбилиси – барьеры. И все же на сегодняшний день двусторонние связи характеризуются позитивной динамикой. Цель настоящей работы – проанализировать, почему процесс нормализации происходит с таким опозданием и как это может повлиять на российско-грузинские отношения и региональную безопасность.

Нормализация с опозданием

Более четырех лет созревали политические условия для постановки вопроса о нормализации прерванных августовским конфликтом 2008 года отношений между Россией и Грузией. 8 августа Президент Грузии Михаил Саакашвили, нарушив условия международных соглашений, санкционировал нападение на расположенный вблизи российской границы сепаратистский регион Цхинвал с применением артиллерии и наземных войск. Выполняя положения «миротворческого мандата», Москва в ответ на это начала военную операцию с целью заставить Грузию прекратить удары по Цхинвалу. После проводившихся в течение пяти дней боевых действий российские войска вытеснили грузинские формирования с территории Южной Осетии. Чтобы пресечь дальнейшие попытки Тбилиси взять Цхинвал силой, Россия решила признать Южную Осетию независимым государством и предоставить ей силы и средства для сдерживания агрессии.

В Москве действительно не верили, что с Михаилом Саакашвили можно о чем-либо договориться. Здесь он заработал себе прочную репутацию человека, который не держит слова. Самый яркий, но не единственный пример этого – обстрел Цхинвала в ночь на 8 августа 2008 года, через несколько часов после телеобраще-

² «Москва попросит Грузию экстрадировать задержанного террориста», *Грузия сегодня*, 17 июня 2013, <http://www.georgiatimes.info/news/91797.html>.

³ «Посещение телеканала “Россия сегодня”», *Официальный сайт Президента России*, 11 июня 2013, <http://www.kremlin.ru/news/18319>.

ния президента Грузии, в котором он объявил об одностороннем прекращении огня. Была ли гарантия, что если в отношениях с Грузией Москва попробует «начать с чистого листа», такая практика не возобновится? Не говоря о том, что из Грузии шли настолько противоречивые сигналы, что вычленив общий их вектор было практически невозможно. Саакашвили сделал несколько заявлений, которые можно было бы считать обнадеживающими. Он высказался за диалог с Россией и с трибуны Европарламента пообещал не применять силу против Абхазии и Южной Осетии.⁴ Но в общем контексте политики властей Грузии эти заявления мало в чем убеждали. После призыва к диалогу грузинский президент заявил, что единственная цель России – «проглотить Грузию».⁵

Подготовка «Государственной стратегии в отношении оккупированных территорий», предполагающей расширение контактов с жителями Абхазии и Южной Осетии, сопровождалась выдвиганием фактических ограничений на деятельность неправительственных организаций в двух республиках.

В ситуации общей неопределенности вокруг Грузии Россия сама не хотела вызывать призраки доавгустовской повестки дня в международной политике в Европе и на постсоветском пространстве. Ведь в чем была причина резкой реакции Москвы на плановые учения НАТО в Грузии в мае 2009 года? Россия категорически не желала, чтобы сотрудничество между Грузией и альянсом продолжалось так, как будто не было конфликта в августе 2008 года со всей его тяжелой предысторией.⁶ Грузинского президента в течение почти двух лет после августовского конфликта не принимали ни в европейских столицах, ни в Вашингтоне. В этом был явный признак изоляции – не Грузии, но ее лидера. Разумно ли со стороны России было содействовать преодолению этой изоляции? Обстоятельства скорее толкали Москву к выжидательной позиции.

По мнению авторов статьи, для перспектив российско-грузинских отношений это означает, прежде всего, отсутствие заданности. Две страны не обречены на продолжение противостояния. Сегодняшнее положение складывалось в течение многих лет, и у нормализации отношений Москвы и Тбилиси много препятствий, которые с позиции сегодняшнего дня видятся непреодолимыми. Однако есть и ресурсы для улучшения отношений. Контакты двух обществ не прекращены, политическая враждебность не затронула человеческих связей. Длющийся разрыв вос-

⁴ «Президент Грузии Саакашвили обещает мирным путем урегулировать конфликт с Россией», *Официальный сайт европейского парламента*, 23 ноября 2010 г., <http://www.europarl.europa.eu/news/en/news-room/content/20101112FCS943277/html/Georgia%27s-Saakashvili-pledges-peaceful-solution-to-dispute-with-Russia>.

⁵ Нестан Шарвиани, «МИД Грузии: Москва намеренно не поняла «образную речь» Саакашвили», *Голос Америки*, 8 февраля 2011 г., <http://www.golos-ameriki.ru/content/ng-georgia-russia-2011-02-08-115589774/201972.html>.

⁶ Дарья Ирьева, «МИД России назвал объяснения Альянса “дешевыми”», *Российская газета*, 23 апреля 2010 г., <http://www.rg.ru/2009/04/23/nato.html> (по состоянию на 28 августа 2014).

принимается по обе стороны [Главного Кавказского хребта] как состояние ненормальное.

Изменение политической ситуации в Грузии осенью 2012 года привело к власти оппозиционную коалицию «Грузинская мечта». Одной из приоритетных целей правительство Б. Иванишвили провозгласило пересмотр российской политики прежнего руководства страны. Невзирая на трудности, стоящие перед новыми лидерами, открылась возможность нормализации отношений с Россией.

Грузия после выборов 2012 г.

На парламентских выборах, состоявшихся 1 октября 2012 года, победу одержала оппозиционная коалиция «Грузинская мечта» во главе с предпринимателем Бидзиной Иванишвили. Коалиция набрала около 55% голосов избирателей, почти на 15 процентных пунктов превзойдя результат партии «Единое национальное движение», и победила в большинстве мажоритарных округов.

В результате переговоров между руководством «Грузинской мечты» и президентом Грузии Михаилом Саакашвили на пост премьер-министра был предложен Б. Иванишвили, получивший карт-бланш на формирование правительства. Срок президентских полномочий М. Саакашвили истекал в январе 2014 года. В конце октября 2012 года Иванишвили предложил в срочном порядке ввести в действие поправки к конституции, согласно которым фактическим главой государства становится премьер-министр, но впоследствии свое предложение снял.

Б. Иванишвили пришел к власти на волне поддержки грузинских избирателей. На выборах он сумел консолидировать весь оппозиционный электорат, что не удавалось его предшественникам. Он пользуется большой личной популярностью и владеет неисчерпаемыми в масштабах Грузии финансовыми ресурсами.⁷ Это делает Б. Иванишвили безусловным лидером победившей коалиции.

В то же время, заметна определенная слабость собственной команды Б. Иванишвили. Ряд ключевых постов в правительстве и в парламенте заняли представители партии «Свободные демократы» и Республиканской партии. Обе эти партии придерживаются курса на ускоренную вестернизацию Грузии и ее евроатлантическую интеграцию.

Нельзя исключить определенные расхождения между ожиданиями избирателей и фактическим курсом нового правительства. Отметим, что Республиканская партия, в значительной мере получившая контроль над парламентом, никогда не побеждала на выборах самостоятельно, вне коалиций, а в 2004 году ее представители прошли в парламент в коалиции с ЕНД. Республиканцы резко осуждали авторитаризм его правления, но при этом разделяли стратегические установки президентской партии «Единое национальное движение». Республиканцы, как и многие либералы на постсоветском пространстве, склоняются к жесткому секуляризму, у них не очень хорошие отношения с Грузинской православной церковью,

⁷ “The World’s Billionaires: #293 Bidzina Ivanishvili” (#293 Будзина Иванишвили), *Forbes*, <http://www.forbes.com/profile/bidzina-ivanishvili>.

и в этом их позиция также была близка президенту Саакашвили. В то же время, «Грузинская мечта» выиграла выборы при неофициальном, но не слишком скрываемом одобрении со стороны Церкви. Насколько можно судить, это обстоятельство привело к смягчению секуляристской риторики республиканцев.

Проведенные в Грузии накануне выборов опросы показали, что избиратели оппозиционной коалиции отнюдь не единодушны в симпатиях к НАТО и не одобряют отправку грузинских солдат в Афганистан.⁸ В частности, 32% грузинских избирателей, голосовавших за «Грузинскую мечту», оценили НАТО как «агрессивный военный блок». 53% согласились с утверждением, что интересы Грузии и альянса не совпадают. 88% высказали мнение, что Грузия не должна отправлять свои войска в Афганистан. Есть основания думать, что эта группа избирателей воспринимает предвыборную риторику Б. Иванишвили о продолжении курса на сближение с НАТО как вынужденный дипломатический жест в адрес США.

С одной стороны, существует проблема непредставленности в грузинской публичной политике той группы избирателей, которая сомневается в оправданности интеграции страны в НАТО. С другой стороны, грузинская политическая элита по-прежнему убеждена в возможности для страны евроатлантической интеграции по образцу стран Центральной и Восточной Европы, а также Прибалтики. Она верит в эту возможность даже вопреки опыту этих стран в складывающейся на сегодняшний день обстановке – кризис в Евросоюзе, снижение интереса США к делам Центральной и Восточной Европы и постсоветского пространства на фоне ближневосточной дестабилизации. Фактическое блокирование дискуссии об иных механизмах обеспечения безопасности Грузии и в целом об альтернативе во внешнеполитической стратегии при уже дающей себя знать фрустрации от недостижимости декларируемых целей интеграции в ЕС и НАТО может дестабилизировать новую правящую коалицию.

«Единое национальное движение» М. Саакашвили, хотя и проиграло выборы 2012 года, обеспечило себе сравнительно сильные позиции в парламенте. Ряд депутатов-мажоритариев, выдвинутых на выборы ЕНД, перешли на сторону парламентского большинства, однако распада партии на фракции пока не наблюдается. В период после октября 2012 года М. Саакашвили пропустил несколько сильных ударов, связанных со смещением с должностей и арестами нескольких его соратников, в частности, бывшего премьер-министра Ивана Мерабишвили и экс-министра обороны Бачо Акалая. Надежды Саакашвили на победу кандидата от республиканской партии на президентских выборах в США не оправдались. Однако под контролем М. Саакашвили остаются назначенные им руководители регионов. Сохраняется его влияние на судейский корпус. В руках у президента остались его основные медиа-активы. Правительство и парламентское большинство «Грузин-

⁸ «Опрос общественного мнения в Грузии: популярность политических партий и отношение граждан к НАТО» (Институт проблем Евразии, 25.09.2012), <http://geurasia.org/rus/1305/qartuli-gamokitxva--politikuri-partiebis-reitingi-da-mosaxleobis-damokidebuleba-nato-sadmi.html>.

ской мечты» вынуждены действовать в условиях продолжающегося противоборства с оппозицией. Результаты проводившихся в 2013 году президентских выборов показали, что ЕНД по-прежнему играет важную роль в грузинской политике; кандидат от этой партии Давид Бакрадзе вышел в президентской гонке на второе место, набрав 21 % голосов избирателей.

Победа Б. Иванишвили породила в обществе завышенные ожидания, связанные как с социально-экономическим развитием страны, так и с нормализацией российско-грузинских отношений. В складывающихся условиях премьер-министр был вынужден действовать с осторожностью, стремясь избежать развала коалиции. Неустойчивая внутривластная ситуация в Грузии, по всей видимости, не позволяла добиться прорыва ни в экономической сфере, ни во внешней политике. Перед новым правительством и парламентским большинством стояла особая задача – остудить перегретые ожидания, не отняв при этом у избирателей надежду, не утратив их поддержки и сохранив за собой внутри- и внешнеполитическую инициативу в противостоянии ЕНД.

Важный ресурс нового правительства в его взаимоотношениях с Россией заключается в отсутствии у него негативного опыта в этой сфере. Фигура Михаила Саакашвили была препятствием для российско-грузинской нормализации в силу того, что в Москве грузинский президент заработал себе репутацию человека, который не держит слово. Кроме того, позитивные сдвиги на российском направлении были невыгодны ему объективно: президент хорошо умеет ссориться с Москвой, но плохо умеет мириться, и, учитывая значимость российской темы для грузинской аудитории, такие сдвиги вытолкнули бы на первый план во внутренней политике те фигуры, которые в большей степени, чем Саакашвили, отвечают задачам примирения. Со своей стороны, Россия не спешила выдвигать привлекательные для Грузии инициативы в двусторонних отношениях, отдавая себе отчет, что в существовавшей до выборов реальности такие инициативы лишь усилили бы внутривластные позиции Саакашвили и, принимая во внимание его недоговороспособность, фактически ушли бы в песок.

Другой ресурс нового правительства в отношениях с Россией можно описать как «эффект низкого старта». Иными словами, двусторонние отношения настолько плохи, что любой сдвиг к лучшему будет восприниматься как значительный успех. Причем, несмотря на завышенные ожидания, в грузинском обществе в целом есть понимание того, что быстрое разрешение противоречий невозможно. В Москве со сдержанным оптимизмом следят за деятельностью Зураба Абашидзе, назначенного на должность спецпредставителя премьер-министра по отношениям с Россией.⁹ В совокупности с отказом новых властей Грузии от принятой прежними властями антироссийской риторики это открывает новые возможности для диа-

⁹ «Министр иностранных дел России прокомментировал назначение Зураба Абашидзе», *Первый канал* (Грузия), 2 ноября 2012, <http://1tv.ge/news-view/43587?lang=en> (по состоянию на 27 июня 2014).

лога, который на данной стадии не требует от сторон пересмотра базовых установок или совершения уступок, неприемлемых по внутривнутриполитическим причинам.

Немаловажно и то, что в результате выборов изменилась атмосфера, в которой в Грузии обсуждаются отношения с Россией. Политики и эксперты, представители «третьего сектора», отстаивающие необходимость нормализации отношения с Россией, теперь не рискуют оказаться в политической изоляции или быть заклейменными как «российские шпионы».

Южная Осетия и Абхазия

Как ни определять конечные цели урегулирования грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов и как ни оценивать процесс такого урегулирования в 1990-х и 2000-х годах, текущие отношения с Россией для Грузии означают отрицательную динамику в этом центральном вопросе грузинской политики. Статус-кво в Абхазии и Южной Осетии существует безотносительно его признания или непризнания со стороны региональных и внерегиональных игроков, и само течение времени его укрепляет. Абхазский и югоосетинский вопросы не поддаются решению без участия России, и с этой точки зрения отсутствие диалога между Россией и Грузией означает и отсутствие перспектив решения.

Россия не считает свое военное вмешательство в Южной Осетии в августе 2008 года агрессией, настаивая, что она осуществляла операцию по принуждению грузинского руководства к миру.¹⁰ Доклад независимой международной миссии по установлению фактов о конфликте в Грузии (Миссия Хайди Тальявини) признает, что военные действия начались с артиллерийского обстрела Цхинвала грузинскими силами, хотя считает ответные действия России избыточными.¹¹

Москва также отвергает использование термина «оккупация» применительно к статус-кво в Абхазии и Южной Осетии, аргументируя это тем, что не осуществляет эффективного контроля над территориями обеих республик.¹² Заметим, что термин «оккупация» не просто некорректен с юридической точки зрения. Его употребление служит символической «отмене» самого факта грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов: якобы конфликтов нет, а есть лишь противостояние России и Грузии, и Россия «оккупирует» принадлежащие Грузии территории.

¹⁰ «Дмитрий Медведев: Совместная пресс-конференция с канцлером ФРГ Ангелой Меркель», *Официальный сайт Президента России*, 15.08.2008, http://archive.kremlin.ru/eng/speeches/2008/08/15/2259_type82912type82914type82915_205379.shtml.

¹¹ «Доклад независимой международной комиссии по установлению фактов о конфликте в Грузии», Международная комиссия по установлению фактов о конфликте в Грузии, 30.09.2009, http://eu-un.europa.eu/articles/en/article_9045_en.htm (по состоянию на 16 июля 2014).

¹² «Термин “оккупированные территории” неприменим к Абхазии и Южной Осетии» – министр иностранных дел, *Интерфакс*, 9 июня 2012, <http://www.interfax.com/newsinf.asp?page=8&id=338719> (по состоянию на 27 июня 2014).

При этом ключевой проблемой грузино-осетинских и грузино-абхазских разногласий остается существующее в Тбилиси мнение о ведущей роли России в этих процессах. Вне зависимости от оценки влияния Москвы это восприятие уводит от реального понимания ситуации. За скобками оказываются как необходимость инициативной политической линии Грузии по урегулированию конфликтов, так и интересы осетин и абхазов, которым Тбилиси отказывал в праве на собственное мнение под предлогом «российской оккупации».

Особое недовольство правительства М. Саакашвили вызывало то, что условием закрепления территориальной целостности Грузии были существенные уступки в адрес Сухума и Цхинвала, на которые было так же психологически сложно пойти, как и принять равноправный формат переговоров с ними. На этом фоне нейтральная позиция России в процессе урегулирования трактовалась в Тбилиси как антигрузинская. С 2004 года в нарушение международных соглашений правительство М. Саакашвили взяло курс на вытеснение России из процесса урегулирования и реинтеграцию республик де-факто силовым путем. Внешнеполитическая стратегия Саакашвили заключалась в том, чтобы перевести грузино-абхазский и грузино-осетинский конфликт в русло конфликта российско-грузинского и затем интегрировать последний в контекст противостояния между Россией и США. Трагические события августа 2008 года продемонстрировали ошибочность и разрушительность такой стратегии.

Несмотря на действия Саакашвили, Москва последовательно поддерживала линию на территориальную целостность Грузии и вплоть до 2008 года участвовала в режиме санкций СНГ против Абхазии и Южной Осетии.¹³ Российская позиция по урегулированию конфликтов была неизменной на протяжении всего периода с начала 1990-х годов. В развернутом виде ее изложил президент В.В. Путин в ходе эскалации грузино-осетинского противостояния в 2004 году: «Россия ... готова внести свой посильный вклад в урегулирование и восстановление территориальной целостности Грузии. Но мы не собираемся выступать на одной стороне. Мы готовы сыграть роль посредников и гарантов достигнутых договоренностей, которые могут быть достигнуты, если есть добрая воля».¹⁴

Политическая линия Тбилиси, которая была следствием концепции «российской оккупации», не только усугубляла разногласия с Москвой, но и рождала неверное понимание о мотивах политики Сухума и Цхинвала. Вывода за скобки вопрос о доле вины грузинского руководства начала 1990-х годов в развязывании конфликтов в Южной Осетии и Абхазии, правительство Саакашвили не могло дать верный ответ на вопрос о том, кто в глазах Сухума и Цхинвала представляет

¹³ «Жарасин. К вопросу о снятии принятых в отношении Абхазии санкций», *Аджар-ТВ* (Грузия), 18 марта 2008, <http://ajaratv.ge/en/index.php?page=shownews&id=2083> (по состоянию 27 июня 2014).

¹⁴ «Путин В.В. Пресс-конференция по итогам встречи с Президентом Украины Леонидом Кучмой», *Официальный сайт Президента России*, 18.08.2004, <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2004/08/75603.shtml> (по состоянию 17 июля 2014).

основную угрозу безопасности и почему они не считают привлекательной идею евроатлантической интеграции.

Торпедирование политического процесса в рамках урегулирования сопровождалось широкой пропагандистской кампанией, направленной на западного потребителя. Переговорная тактика грузинской дипломатии в правление «Единого национального движения» состояла во внедрении в процесс наблюдателей со стороны США или ЕС и стремлении использовать давление с их стороны для принуждения партнера принять условия Грузии. При этом от внимания Тбилиси укрывалось то обстоятельство, что наблюдательная миссия не гарантировала глубокой вовлеченности западных государств в переговорный процесс. Признавая правоту Грузии в конфликте с Россией, страны ЕС, по сути, дистанцировались от проблемы урегулирования, отказываясь пойти дальше и добиваться уступок от Москвы. И хотя М. Саакашвили хвалился успехом, в действительности это было политическое поражение, которое закрепляло статус-кво. Данное тревожное обстоятельство побудило пришедшие к власти в Грузии в 2012 году оппозиционные силы к попытке пересмотра политики на южноосетинском и абхазском направлениях.

В период пребывания у власти «Грузинской мечты» в стране осознали, что продолжающаяся с 2006 года обструкция переговорного процесса с правительствами Южной Осетии и Абхазии в долгосрочной перспективе вредит интересам Грузии. Среди участников коалиции «Грузинская мечта» распространилось мнение, что если в течение 10 лет Тбилиси не предложит Цхинвалу и Сухуму разумный проект реинтеграции, то будут созданы условия для рассмотрения международным сообществом (прежде всего в ЕС) вопроса о легализации статуса Абхазии как части Черноморского региона.¹⁵

Груз накопленных в 1990-е годы стереотипов вкупе с деятельной антироссийской пропагандой правительства М. Саакашвили существенно повлияли на оценку событий августа 2008 года. Лидер «Грузинской мечты» и новый премьер-министр Грузии Б. Иванишвили¹⁶ объяснял действия России в грузино-южноосетинском конфликте стратегической задачей Москвы «перейти через Кавказ». Даже признавая инициатором конфликта правительство М. Саакашвили, лишь меньшинство грузинского истеблишмента было готово услышать позицию России, сформулированную Д.А. Медведевым в 2011 г.¹⁷: «Мы вынуждены ... признать международную правосубъектность [Абхазии и Южной Осетии], для того чтобы их защитить». Следует отметить, что Россия пошла на признание лишь после того, как было от-

¹⁵ Паата Закарейшвили, «Признание альтернатив», Фонд Генриха Болла, <http://ge.boell.org/sites/default/files/downloads/Zakareishvili.pdf> (по состоянию на 28 августа 2014).

¹⁶ «Иванишвили: “Действия Саакашвили позволили России оккупировать наши территории”», *Гражданская Грузия*, 24.10.2012, <http://www.civil.ge/rus/article.php?id=24054> (по состоянию на 15 августа 2014).

¹⁷ «Дмитрий Медведев: Интервью *Russia Today*, ПИК и на радиостанции *Эхо Москвы*», *Официальный сайт Президента России*, 05.08.2011, <http://kremlin.ru/news/12204> (по состоянию на 16 августа 2014).

вергнуто ее предложение сделать одним из пунктов соглашения о прекращении боевых действий международное обсуждение гарантий безопасности Абхазии и Южной Осетии.

В принципе, Москва не исключает вероятности постановки вопроса об объединении Грузии, Абхазии и Южной Осетии (например, в форме конфедерации) при условии, что на это будет воля граждан всех трех государств. Ряд высказываний занимавшего в тот период пост президента России Д.А. Медведева можно рассматривать в этом контексте.¹⁸ В интервью телеканалам *Russia Today*, «ПИК ТВ» и радиостанции «Эхо Москвы» в августе 2011 года Медведев¹⁹ обрисовал варианты возможного развития событий следующим образом: «Я буду очень рад, если, скажем, руководство Грузии, руководители Абхазии и Южной Осетии сядут за стол переговоров и будут думать о том, как они будут жить дальше, как в регионе будет обеспечиваться мир и правопорядок... Россия этому никогда препятствовать не будет».

Судя по высказываниям представителей «Грузинской мечты»,²⁰ руководство движения признает то обстоятельство, что национально-государственные проекты в Абхазии и Южной Осетии опираются на реальную поддержку абхазов и осетин. Чтобы Грузия стала демократичной и процветающей, прошлое не следует интерпретировать как недоразумение, вызванное ошибками прошлых лет, которые легко исправить. Это создает стимулы для того, чтобы правительство Иванишвили активно решало задачи возобновления прямого диалога с коллегами из этих существующих де-факто республик.

В нормализации отношений с Тбилиси также заинтересованы руководители Абхазии и Южной Осетии. Во-первых, нынешнее состояние отношений между Россией и Грузией, Грузией и Абхазией, Грузией и Южной Осетией мешает создать прочную правовую основу для поддержания мира. Во-вторых, грузинское население Абхазии, а особенно Южной Осетии страдает из-за неопределенности правового статуса и жесткого режима пересечения границ, и в этом одна из причин трудностей в интеграции обществ двух новых независимых государств и формирования в них устойчивых демократических политических режимов. В-третьих, в практическом плане обе республики много теряют от того, что у них складываются напряженные отношения с Грузией. В частности, это препятствует широкому использованию транзитных коридоров, объединяющих Россию, Грузию, Южную Осетию и Абхазию.

Есть основания полагать, что стратегия «малых дел» осуществима, и ее успешная реализация позволит расчистить площадку для обсуждения стратегических

¹⁸ «Дмитрий Медведев. Интервью на телеканале ТФ-1», *Официальный сайт Президента России*, 26 августа 2008, http://archive.kremlin.ru/appears/2008/08/26/2300_type63379type63380_205786.shtml (по состоянию на 16 июля 2014).

¹⁹ «Дмитрий Медведев: Интервью *Russia Today*, ПИК и на радиостанции *Эхо Москвы*».

²⁰ «Иванишвили: “Действия Саакашвили позволили России оккупировать наши территории”».

политических решений, которые, возможно, сделали бы такую стратегию более сфокусированной и облегчили бы ее принятие сторонами конфликта.

Принятая властями Грузии концепция «оккупации» Абхазии и Южной Осетии приводит к тому, что в Тбилиси не могут признать не только правовую (действительно оспариваемую), но и политическую субъектность Абхазии и Южной Осетии, которую они признавали вплоть до августа 2008 года, поскольку Тбилиси, Цхинвал и Сухум не выходили из соглашений об урегулировании конфликтов.²¹ Данная позиция слаба в том отношении, что, если Грузия взяла курс на мирное урегулирование двух конфликтов, взаимодействие с теми силами, которые непосредственно контролируют территории Абхазии и Южной Осетии, необходимо и неизбежно, а следовательно, требуется и признание их политической субъектности в той или иной форме.

В сложившихся условиях требуется изолировать обсуждение гуманитарных вопросов (таких, как положение приграничного населения) от политической дискуссии о будущем региона. Вопрос об объеме и качестве российского военного присутствия в Абхазии и Южной Осетии едва ли может быть поставлен. Объединять его с вопросами гуманитарными – значит создать ненужное дипломатическое препятствие для решения последних.

Постепенная «десекуритизация» отношений позволила бы поставить вопрос о возобновлении социально-экономических связей между сторонами. Оптимистичная перспектива могла бы состоять в формировании общего пространства перемещения людей, товаров, капитала и услуг между Грузией, Абхазией и Южной Осетией при непосредственном участии России, которая должна стать структурообразующей частью этого пространства.

В ноябре 2012 года новый грузинский министр по реинтеграции Паата Закареишвили выступил с инициативой возобновления железнодорожного сообщения между Грузией и Абхазией.²² Эта инициатива встретила возражения как в Грузии, так и в Абхазии, и после этого, по словам министра, была «снята с повестки дня». Несмотря на препятствия, с которыми столкнется практическое осуществление этого замысла, возобновление железнодорожного сообщения могло бы дать новый импульс позитивным процессам во всем Закавказье, в чем заинтересованы соседние государства. Переговоры по возобновлению железнодорожного сообщения между Грузией и Абхазией стали бы новым форматом грузино-абхазского взаимодействия, не связанным с наследием конфликта 2008 года, как связан с ним

²¹ «Соглашение о принципах урегулирования грузинско-осетинского конфликта (Сочинское соглашение)», *Официальный сайт ООН*, 24 июня 1992, <http://peacemaker.un.org/georgia-sochi-agreement92> (по состоянию на 28 августа 2014); «Соглашение о прекращении огня и разделении воюющих сторон (Московское соглашение)», *Официальный сайт ООН*, 14 мая 1993, http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/1994/583.

²² «Новое правительство Грузии – возможность для России нормализовать отношения с этим государством», *Общественный диалог*, 30 октября 2012, http://publicdialogues.info/en/Paata_Zakareishvili%3A_The_New_Government_of_Georgia_is_a_Chance_for_Russia_to_Normalize_Its_Relations_with_Georgia.

формат переговоров в Женеве. Политический процесс такого рода был бы не менее значим, чем результат.

Важным маркером изменений в подходе Грузии к проблеме Абхазии и Южной Осетии стала бы отмена Закона «Об оккупированных территориях».²³ Ряд положений этого закона не только создает препятствия для экономического развития Абхазии и Южной Осетии, но и затрудняет гуманитарное сотрудничество между Россией и Грузией. Правовое регулирование взаимодействия грузинских граждан и властей с жителями Абхазии и Южной Осетии, на наш взгляд, возможно в рамках других правовых актов, не опирающихся на контрпродуктивную концепцию «оккупации».

Северокавказская политика Грузии

В ходе пребывания на посту президента Михаила Саакашвили Грузия осуществляла *новую северокавказскую политику*, предусматривавшую меры по дестабилизации российского кавказского региона за счет использования существовавших между Москвой и администрацией регионов противоречий. Данная политика была в основном направлена на оказание поддержки черкесскому национальному движению и заигрывание с исламистскими организациями, действовавшими в российских республиках – в Дагестане, Чечне и Ингушетии. Реализация указанной политики стала возможной после установления Тбилиси полного контроля над грузинской территорией.

В России осознают, что обеспечение эффективного контроля государственной власти над всей территорией Грузии, за исключением ее бывших автономий в Абхазии и Южной Осетии, является реальным достижением современной Грузии. В эпоху Шеварднадзе (1992–2003 гг.) отсутствие такого контроля было препятствием для сотрудничества двух стран в борьбе с терроризмом и обеспечении стабильности на Северном Кавказе. Масштабная дестабилизация Грузии может создать ситуацию, при которой террористические группы с северной стороны хребта смогут использовать грузинскую территорию в качестве базы, невзирая на мнение грузинских властей по этому поводу. С другой стороны, потеря Москвой контроля над территорией Северного Кавказа и его дестабилизация могут значительно увеличить комплекс угроз, с которыми ныне сталкивается Грузия. Численность населения Дагестана, Чечни и Ингушетии в сумме равняется численности населения Грузии и демонстрирует довольно быстрый рост.

Главный результат реализации этой политики для грузинских властей заключается в том, что среди северокавказских интеллектуалов преодолено прежнее равнодушно-презрительное отношение к Грузии, сформировавшееся еще во время не увенчавшейся успехом войны в Абхазии 1992–1993 гг. Активисты черкесских национальных организаций приветствуют признание Грузией «геноцида черкесов» в

²³ «Закон Грузии “Об оккупированных территориях”», Официальный сайт Министра Грузии по вопросам примирения и гражданского равенства, 23 октября 2008, www.smr.gov.ge/docs/doc216.pdf.

ходе Кавказской войны.²⁴ Те из них, кто лоялен властям, при этом оговаривают, что сначала Грузии следовало признать геноцид абхазов и осетин, однако это выглядит скорее как реверанс в адрес Москвы, чем как искренняя позиция. И оппозиционные, и лояльные властям черкесские национальные организации рассматривают российско-грузинское противостояние как возможность за счет лавирования между двумя сторонами повысить свой политический статус и укрепить свои медийные позиции: «раз с нами не разговаривает Россия, мы будем разговаривать с Грузией», «Москве надо было признать геноцид раньше, чем это сделала Грузия, Москва упустила свой шанс», «теперь геноцид признает Польша и государства Балтии». Жесткая, но эмоционально сдержанная реакция России на признание «геноцида черкесов» грузинским парламентом,²⁵ а также ее категорическое нежелание обсуждать эту тему с черкесскими национальными организациями обеспечивают подобного рода доводы.

Для черкесских активистов запретительно высока цена сотрудничества с Грузией, а также с американской *Jamestown Foundation*, во многом направляющей северокавказскую политику Тбилиси, если это сотрудничество выходит за рамки совместных конференций и открытия памятников. Попытки получить финансирование из-за рубежа зачастую безуспешны. Черкесские национальные организации, как лояльные, так и оппозиционные, финансируются за счет внутренних источников, прежде всего – региональных властей и черкесов-предпринимателей. Следа «грузинских денег» в среде северокавказских национальных организаций не прослеживается.

В среде черкесских этнических активистов были с недовольством восприняты попытки тбилисского Центра черкесской культуры распространить его деятельность также на чеченцев и ингушей. Эти попытки были истолкованы как объединение светской мирной «черкесской» оппозиции с оппозицией исламской и вооруженной. Черкесские активисты Кабардино-Балкарии – а именно они стали главным северокавказским контрагентом грузинских властей в кампании по признанию «геноцида» и организации Центра черкесской культуры – дорожат своим светским статусом. В то же время принципы «новой северокавказской политики» – создать максимум неудобств Москве в чувствительной для нее сфере – толкают власти Грузии к альянсу с исламистскими группами на Северном Кавказе. Свидетельства в пользу существования такого альянса в прошлом появлялись в российской и грузинской прессе, указывали на него и представители российских спецслужб.²⁶ Наиболее скандальным стал случай с уничтожением

²⁴ “Circassian Genocide Documents,” *Circassian Genocide*, www.circassian-genocide.info/Documents/English.pdf.

²⁵ Николай Силаев, «Этнос и политика на Северном Кавказе: черкесский вопрос» (М.: Кавказский центр исследовательских ресурсов, 16 октября 2013), <http://georgiamonitor.org/upload/medialibrary/986/986100753f91d53739c00177f0fd8eb.PDF>.

²⁶ Анастасия Кашеварова и Юлия Цой, «Тамерлана Царнаева завербовали через Грузинский фонд», *Известия*, 24 апреля 2013, <http://izvestia.ru/news/549252> (по состоянию на 26 августа 2014 г.).

исламистской боевой группы в ущелье Лопота в августе 2012 года, причем выяснилось, что в числе боевиков были граждане Грузии.²⁷

Хотя признание «геноцида черкесов» грузинским парламентом в России воспринимается как крайне недружественный акт, такого рода альянс не создает критических угроз безопасности на Северном Кавказе. Такая политика, особенно поддерживаемая ею неопределенность в позиции Грузии по отношению к северокавказскому террористическому подполью, осложняет российско-грузинские отношения. В том числе и потому что заставляет усомниться как в ответственности грузинской политической элиты, так и в ее европейской и христианской идентичности. Улучшение российско-грузинских отношений маловероятно без прояснения подходов Тбилиси в этом вопросе на уровне как политической риторики, так и практических шагов.

Хотя нынешний статус российско-грузинских отношений не создает новых угроз безопасности Северного Кавказа, дефицит сотрудничества между двумя странами в направлении обеспечения стабильности на Северном Кавказе на протяжении многих лет служит негативным фактором. В конечном счете, именно отсутствие такого сотрудничества подтолкнуло Россию к тому, чтобы инициировать дорогостоящую программу по укреплению границы на Кавказе. Причем реализация ряда элементов этой программы в непрозрачном для грузинской стороны режиме вызывало в Тбилиси подозрения в отношении Москвы.

Как представляется, не существует препятствий для того, чтобы новое правительство Грузии отмежевалось от поддержки террористических групп на Северном Кавказе. Есть условия для того, чтобы Москва и Тбилиси инициировали создание системы обмена информацией по ситуации на восточном участке межгосударственной границы. Это позволит не только усилить взаимную безопасность вдоль этой границы, но и откроет путь к возникновению ростков доверия между силовыми структурами двух стран.

Экономические и гуманитарные связи Грузии с регионами Северного Кавказа могут получить новый позитивный импульс, если будут осуществляться не в пику Москве и не в обход неё, а в сотрудничестве с ней. Есть объективная потребность в создании таких форматов регионального взаимодействия, в которые были бы вовлечены интеллектуалы, гражданские активисты, журналисты Москвы, Тбилиси, регионов Северного Кавказа и Юга России. Это отвечает и историческим традициям региона, и потребности в знаниях друг о друге, ощущающейся по обе стороны Главного Кавказского хребта. В дальнейшем можно обсудить механизмы региональной экономической интеграции с перспективой создания общего пространства движения людей и товаров, безопасности, образования и культуры.

²⁷ “Two Georgian Citizens Among Gunmen Killed in Clash at Russian Border,” *Civil Georgia*, 3 September 2012, <http://www.civil.ge/eng/article.php?id=25171>.

НАТО и региональная безопасность

По распространенному среди грузинских аналитиков мнению после «революции роз» в Грузии происходила «авторитарная модернизация».²⁸ Специфика модернизационного эксперимента М. Саакашвили состояла в полном подчинении президенту всех ветвей власти. В правление Саакашвили либертарианские мотивы в экономической политике страны сочетались с жестким контролем исполнительной власти над инициативами в сфере социальной и культурной жизни Грузии. Социокультурный эксперимент по воспитанию следующего поколения грузин «свободными», т.е. носителями западных ценностей и антироссийских убеждений, побуждало правительство проводить масштабную антироссийскую кампанию. Консолидации части общества вокруг западных ценностей способствовало укоренившееся представление об антигрузинском характере вовлеченности России в конфликты в Южной Осетии и Абхазии.

Проблемой социокультурного эксперимента было географическое соседство Грузии с Турцией. С одной стороны, две страны разделяло вековое военно-политическое и этноконфессиональное противостояние, ощущаемое на бытовом уровне до сих пор. Исторически это противоборство складывалось не в пользу Грузии; временами оно угрожало существованию грузинского народа. С другой стороны, именно Турция ориентировалась на близкие Тбилиси цели евроатлантической интеграции и с 1952 года являлась членом НАТО. Правительство ЕНД учитывало распространенные в обществе антитурецкие настроения и стремилось их обойти. Поэтому в пропаганде евроатлантической интеграции происходила подмена географического контекста угроз безопасности – пропаганда искусственно помещала Грузию среди государств Центральной и Восточной Европы, которые в последние 20 лет объединяла общая политическая траектория (от Организации Варшавского договора к НАТО) и общее восприятие угроз безопасности, якобы исходящих от России.

Заметной чертой правительства ЕНД был его намеренный разрыв с традицией государственной власти в Грузии и на Кавказе в целом. В кабинете министров не было чиновников старше президента Саакашвили. Большинство членов правительства было социализировано в контексте западных ценностей – их учеба или значительная часть профессиональной биографии проходили за рубежом. Высокая самооценка элиты вокруг Саакашвили строилась на идеологической солидарности и высоком командном духе. Деятели «Единого национального движения» без стеснения хвалились тем, что их правительство «компактное, мобильное и в отдельных вопросах очень искусное».²⁹

²⁸ Kenneth Yalowitz, Ivlian Haindrava, Ghia Nodia, and Shorena Shaverdashvili, “Lessons Learned from 20 Years of Independence and Statebuilding: Georgia,” *Carnegie Europe*, 28 November 2011, <http://carnegieeurope.eu/publications/?fa=46090&reloadFlag=1>.

²⁹ Томас Де Вааль, *Грузия перед выбором: проработка перспектив в период неопределенности* (Фонд Карнеги за международный мир, 2011), http://carnegieendowment.org/files/georgias_choices.pdf.

Одно из ключевых мест в структуре правительства «Единого национального движения» занимало министерство по европейской и евроатлантической интеграции. По сути, это ведомство занималось адаптацией стандартов государственных реформ по образцу американской либеральной демократии для Грузии. На него также возложили ответственность за выполнение полученного от менторов «домашнего задания». Именно это ведомство зачастую вводило Запад в заблуждение, создавая видимость успеха на пути Грузии к демократии.

Инструментом в этом смысле было обладание правительством политической инициативой во внутренней политике и доминирование в информационном пространстве. По статистике, около 80% грузин получали информацию посредством ТВ, при этом все три главных телеканала контролировались правительством. Масштабная пропагандистская кампания, основанная на полуправдивой информации, формировала высокий рейтинг поддержки обществом членства Грузии в НАТО, но не давала твердого понимания смысла и цели этого процесса. По мнению оппозиционных политиков, правительство Саакашвили создало в сознании граждан «виртуальную Грузию».³⁰ Как показали события сентября 2012 года вокруг Глданской тюрьмы, подобная неадекватная картина реальности приводит к завышенной самооценке, взвинченности ожиданий общества от власти и сильным колебаниям общественных настроений, связанных с неспособностью власти этим ожиданиям соответствовать.

Неадекватная оценка состояния внешней среды и доступных для реализации внешнеполитических целей ресурсов ставила грузинскую дипломатию в тупик. В правление ЕНД Грузия, по сути, не имела различимых стратегических целей за исключением европейской и евроатлантической интеграции. Заметно, что институционально государственная структура Грузии развернута в сторону Запада: в грузинском МИДе нет департамента по отношениям с Россией, которая «растворена» в департаменте по делам СНГ.³¹ При словесной готовности к восстановлению дипотношений с Россией руководство ЕНД не понимало, как этого добиться. Отталкиваясь от тезиса о том, что «из России поступают противоречивые сигналы», правительство приходило к следующему парадоксальному выводу: «для упорядочения отношений с Россией требуется вступление в НАТО».

На фоне неудач на российском направлении главной заявленной целью политики Грузии в правление ЕНД оставалась «демократическая миссия» на Кавказе и в СНГ в целом. Так, стратегическое партнерство с Азербайджаном в МИД Грузии увязывали с тем, что на Западе якобы воспринимали Баку в «одном проекте» с Тбилиси. Таким образом, итоги евроатлантического процесса для Грузии, по замыслу Тбилиси, могли быть в перспективе перенесены на Азербайджан. Эта линия не учитывала не только стремление Азербайджана придерживаться нейтралитета

³⁰ «Обращение Будзины Иванишвили к политикам, СМИ, общественности», *Новости Грузии*, 12 октября 2011, <http://www.newsgeorgia.ru/politics/20111012/214234359.html>.

³¹ «Структурные подразделения», *Официальный сайт Министерства иностранных дел Грузии*, www.mfa.gov.ge/index.php?lang_id=ENG&sec_id=37.

тета, но и то обстоятельство, что Грузия сама вполне могла оказаться объектом «демократической миссии» со стороны Турции.

По сути, грузинская дипломатия в правление «Единого национального движения» теряла главный навык – способность к ведению переговоров, ограничиваясь ролями просителя или обиженного. Высокая зависимость оценок грузинской дипломатии от мнения западных партнеров делала политическую линию правительства шаткой. В ЕНД больше ценили легкость дипломатического процесса с Брюсселем, который не обязывал Тбилиси к уступкам, чем наполненные реальным содержанием, но напряженные российско-грузинские, грузино-абхазские и грузино-южноосетинские переговоры.

Особенно болезненно в ЕНД реагировали на невнимание со стороны Запада или прямую критику грузинских властей. Неуклонное снижение международной поддержки политического курса правительства М. Саакашвили происходило на фоне снижения объемов международной финансовой помощи. На протяжении 22 месяцев после грузино-южноосетинского конфликта 2008 года президента М. Саакашвили не принимали лидеры европейских государств. Многие политики на Западе осознали, что режим «карт-бланша» правительству сослужил Грузии плохую службу.³² Также возникли подозрения относительно искренности инициатив Саакашвили в области демократизации, военного строительства и региональной политики.³³ Особенное беспокойство в Брюсселе вызывало то обстоятельство, что недалёковидные действия правительства М. Саакашвили в августе 2008 года могли привести к полномасштабному военному столкновению между НАТО и Россией. В совокупности это способствовало снижению приоритетности «грузинского досье» среди политикоформирующих кругов в Брюсселе.

Полностью признавая, что противоречия по статусу Абхазии и Южной Осетии и по членству Грузии в НАТО в данный момент неразрешимы, все же приведем несколько тезисов, призванных расширить перспективу дискуссии по этим вопросам.

Дело не в том, что Россия противится сближению Грузии с Европейским союзом. «Геополитический плюрализм» на постсоветском пространстве, в том числе и в Закавказье, стал реальностью, обусловленной независимостью бывших советских республик. Грузия, как и многие другие страны постсоветского пространства, рассматривает Запад как источник модернизационных веяний, инвестиций и технологий. В таком ключе рассматривает Запад и сама Россия, с тем отличием, что она не питает иллюзий по поводу того, что внешние факторы могут оказать сколько-нибудь значимое влияние на процесс ее собственной социально-политической модернизации – просто в силу ее масштабов, военно-политической мощи и

³² Михаил Вигнанский, «Грузия не должна быть яблоком раздора между Западом и Россией», *Известия*, 26 сентября 2012, <http://izvestia.ru/news/536213> (по состоянию на 26 августа 2014).

³³ «Саакашвили солгал? Запад начинает сомневаться в грузинском лидере», *Шпигель*, 15.09.2008, <http://www.spiegel.de/international/world/did-saakashvili-lie-the-west-begins-to-doubt-georgian-leader-a-578273.html>.

исторических традиций. Здесь уместно вспомнить, что социализация Грузии в современном европейском контексте исторически проходила путем культурных заимствований из России.

Для Москвы важны два связанных друг с другом принципа. Во-первых, чтобы «европейский» или «западный» выбор Грузии не становился автоматически выбором антироссийским. То есть, чтобы принцип «геополитического плюрализма» распространялся на Россию тоже. Между тем, с конца 1980-х годов грузинская внешняя политика концептуально строится на основе оппозиции «Запад–Россия». Во-вторых, чтобы «европейский» или «западный» выбор не предполагал автоматического выбора в пользу распространения военной инфраструктуры НАТО вплоть до российских границ.

Отождествление «западного» выбора с антироссийским подталкивало прежнюю правящую элиту Грузии к тому, чтобы строить свою внешнеполитическую стратегию исходя из сценария, в котором внешнеполитическое влияние России как минимум не будет расти, а как максимум станет ослабевать. Очевидно, что этот сценарий не реализуется. Ставка на ослабление России делает успех грузинской стратегии критически зависимым от таких факторов, повлиять на которые не во власти Тбилиси. Наконец, эта ставка мешает Грузии воспользоваться теми преимуществами, которые дает соседям рост российской экономики и которыми пользуются бизнес-группы из Азербайджана, Армении и Казахстана.

Радикализм государственного эксперимента «Единого национального движения» по «европеизации» объективно ослаблял чувство региональной идентичности и кавказской общности у грузин, делая Грузию чужеродной для кавказских государств. Особенное значение это имело для грузино-абхазских и грузино-осетинских отношений. Результатом «атлантической» риторики Тбилиси стало твердое убеждение Цхинвала и Сухума в том, что ЕС и НАТО потворствовали агрессивным планам правительства М. Саакашвили. Это многократно усложнило задачу вступления Грузии в НАТО в довоенных границах (поскольку она по-прежнему считает Абхазию и Южную Осетию частью своей территории) при условии согласия всего населения.

На этом фоне в самом Североатлантическом альянсе пока не задаются всерьез вопросом о том, как интегрировать в свой состав Грузию. Блок переживает внутренний кризис, связанный с разладом в оценках целей, стоящих перед государствами–членами. Перспектива применения против России статьи 5 устава НАТО о коллективной обороне исключает вступление в блок Грузии при существующем статус-кво. Не отвергая перспективу интеграции Грузии в принципе, Брюссель не прилагает заметных усилий для создания благоприятствующих этому условий. НАТО, в свою очередь, ожидает, что они создадутся в будущем. Пока же Тбилиси предлагается развивать оперативное сотрудничество с региональными членами НАТО, прежде всего с Турцией, которая в последние годы стремится к усилению своего военно-политического влияния в регионе, прежде всего – в поясе своих границ.

В этих условиях связывать судьбу государства с взаимодействием исключительно с НАТО было бы для Тбилиси неразумно. По иронии судьбы, единственным государством, которое способно дать адекватный ответ на долгосрочные угрозы безопасности Грузии и тем самым заглушить существующее по сей день в Тбилиси «ощущение беспризорности» перед исламскими странами-соседами, активно является Россия.

И все же в текущей ситуации, которая характеризуется отсутствием дипломатических отношений, противоречиями по статусу Абхазии и Южной Осетии и взаимным недоверием, сближение России и Грузии на почве общих подходов к проблеме региональной безопасности маловероятно.

Тем временем, становится очевидным, что США и ЕС определенным образом пересмотрели свою позицию по отношению к Грузии. Во-первых, в условиях финансовой нестабильности и дефицита средств Вашингтон уделяет приоритетное внимание ближневосточному и азиатско-тихоокеанскому регионам. Опыт проведения военных операций на Ближнем Востоке заставил американское руководство осознать важность стабилизации процесса становления демократии во всем мире.³⁴

Во-вторых, после публикации материалов Независимой международной комиссии по установлению фактов о конфликте в Грузии (2008 год) при реализации внешней политики США стали уделять Грузии меньше внимания.³⁵ В планы Вашингтона никогда не входила возможность полномасштабного военного противостояния с Россией в результате провокационных действий Грузии. В тот период в американских аналитических источниках впервые прозвучала жесткая и обоснованная критика по вопросу о вступлении Грузии в НАТО.³⁶ В частности, это было обусловлено стремлением лоббистов проинформировать американскую элиту о незаконных действиях Саакашвили на посту президента.³⁷

В-третьих, лидеры Североатлантического альянса разделяют мнение о снижении способности этой структуры в плане управления происходящим в мире – а ведь раньше это было прерогативой членов НАТО. Кстати, по мнению США, тот факт, что партия Иванишвили набрала столько очков на политической арене Гру-

³⁴ “Remarks by President Obama in Address to the United Nations General Assembly” (The White House, Office of the Press Secretary, 24 September 2013), <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/09/24/remarks-president-obama-address-united-nations-general-assembly>.

³⁵ «Доклад независимой международной комиссии по установлению фактов о конфликте в Грузии».

³⁶ Doug Bandow, “Georgia’s Dangerous Slide Toward NATO,” *The National Interest*, 26 April 2013, <http://nationalinterest.org/commentary/georgias-dangerous-slide-toward-nato-8403>; Doug Bandow, “NATO’s Georgia Nightmare,” *The National Interest*, 9 August 2013, <http://nationalinterest.org/commentary/natos-georgia-nightmare-8860>; Doug Bandow, “No, NATO Shouldn’t Let Georgia In,” *The National Interest*, 22 August 2013, <http://nationalinterest.org/commentary/no-nato-shouldnt-let-georgia-8932>.

³⁷ Б. Межуев, «В Конгрессе США показали фильмы об ужасах режима Саакашвили», *Известия*, 24 октября 2013, <http://izvestia.ru/news/559496>.

зии, – один из признаков снижения потенциала НАТО в плане осуществления общего руководства. В 2012–2013 гг. в Вашингтоне с некоторым непониманием и недоверием наблюдали за политикой правительства «Грузинской мечты» – политикой, которая предусматривала справедливое обращение с членами ЕНД и возобновление связей с Россией.

В материалах *Wikileaks* говорится о том, что дипломатия США не учитывала специфику Грузии и не могла постичь мотивы ее внутренней политики.³⁸ На практике это привело к просчетам в оценке происходивших в стране политических событий. Например, в 2012 году в преддверии президентских выборов посольство США, введенное в заблуждение представленными Национальным демократическим институтом результатами опроса, ожидало победы ЕНД и формирования сильной оппозиции в лице «Грузинской мечты». В интервью газете «Нью-Йорк таймс» Тедо Джапаридзе, который на момент проведения избирательной кампании отвечал в партии Иванишвили за международные отношения, отметил, что в ходе контактов с посольством США американцы интересовались, как «Грузинская мечта» поступит в случае поражения.³⁹ По словам Джапаридзе, в США совершенно не рассчитывали на возможную победу Иванишвили.

После победы на выборах «Грузинской мечты» США наблюдали за некоторыми нетипичными для Тбилиси – и поэтому подозрительными – шагами в области внешней политики. Вашингтон был несколько обескуражен сменой грузинского политического курса и переключился с Кавказа на Ближний Восток, на четверть сократив объем выделяемой региональным правительствам финансовой помощи. Помощь Грузии снизилась с 85 до 68.7 млн. долларов. Сохранив интерес к евроатлантической политической ориентации Тбилиси, США в то же время отмежевались от задач активизации процесса вступления Грузии в НАТО. Стремясь предотвратить конфликт между Россией и Грузией, Вашингтон хотел сохранить проамериканскую позицию Тбилиси. Поэтому, расценив ряд политических шагов Иванишвили как тенденцию к нежелательному повороту событий и поддавшись обработке лоббистов Саакашвили, американское политическое руководство начало посылать Тбилиси предупредительные сигналы с опорой на влиятельные СМИ.⁴⁰

В последние одиннадцать лет евроатлантическая интеграция играла во внешней политике Грузии приоритетную роль, и все же заметных успехов на этом направлении достигнуто не было. Очевидно, отношения между Грузией и НАТО –

³⁸ “Saakashvili’s Inaugural Address: Hitting the Right Notes. Embassy Tbilisi Unclassified Cable,” *Wikileaks Cable Gate Archive*, 22 January 2008, <http://wikileaks.org/cable/2008/01/08/TBILISI86.html>.

³⁹ Ellen Barry, “Georgian Leader Emerges as an Enigma,” *New York Times*, 8 October 2012, <http://www.nytimes.com/2012/10/09/world/europe/georgian-leader-bidzina-ivanishvili-emerges-as-an-enigma.html>.

⁴⁰ Denis Corboy, William Courtney, and Kenneth Yalowitz, “Justice or Vengeance?” *The New York Times*, 26 November 2012, <http://www.nytimes.com/2012/11/27/opinion/global/justice-or-vengeance.html>.

равно как и ее отношения с ЕС – исчерпали потенциал в плане политически значимых позитивных сдвигов. Сохранив во внешней политике курс на сближение с ЕС и НАТО, Тбилиси осознает, что поэтапная евроатлантическая интеграция уже не является для страны приемлемым вариантом. Такой вывод можно сделать на основании неспособности достичь практических результатов в ходе диалога между Грузией и НАТО в форме твердых гарантий безопасности или экономической интеграции. Макроэкономические последствия установления между ЕС и Грузией зоны свободной торговли – равно как и ее влияние на отечественных производителей – пока не ясны.

Западные инвестиции в грузинскую экономику всегда были сосредоточены на территориальном уровне, и «Грузинская мечта» не ожидает значительного увеличения их притока. Учитывая неудовлетворительные результаты реализации экономической политики своих предшественников, Иванишвили и Гарибашвили достаточно скептически оценивают перспективы Грузии в плане международного рейтинга по таким параметрам, как инвестиционный климат, возможности развития деятельности для иностранных предпринимателей и ряду других.⁴¹

Может быть, именно поэтому сегодня Тбилиси не считает, что в перспективе Грузия выиграет от утверждения американских и европейских политических ориентиров на распространение демократии и ограничения российского влияния в постсоветском пространстве. Правительство Саакашвили представляло собой важный компонент такой политики – ведь экс-президент Грузии входил в число активных сторонников регионального и общемирового тиражирования западной политической модели. От нового лидера Грузии на Западе ожидают такого же рвения в плане вестернизации. А между тем новое правительство даже не желает участвовать в дискуссиях о демократизации региона; руководство западных держав воспринимает такую позицию как возврат к авторитарному режиму. Тбилиси не торопится налаживать связи с западными и центрально-европейскими странами, которые отчаянно защищали политический курс Саакашвили. Очевидно, новые лидеры Грузии осознали, что союз с Польшей, Украиной и государствами Балтии – историческими противниками российского курса – к успеху не приведет.

На фоне поэтапного снижения во внешней политике Грузии приоритетности евроатлантической ориентации Тбилиси стал активно развивать отношения со своими соседями, которые могли сыграть значительную роль в плане повышения экономического благосостояния страны. Премьер-министр Иванишвили предпочел лично заняться этим. В 2013 году в Давосе он провел встречи со своим российским коллегой Д. Медведевым и рядом представителей российских деловых кругов, а также посетил Азербайджан, Армению и Турцию.

⁴¹ Юрий Рокс, «Грузия сама себе понизила рейтинг», *Независимая газета*, 28 января 2013, http://www.ng.ru/cis/2013-01-28/7_gruzia.html.

Грузия–Россия и Грузия–ЕС: выбор идентичности

Одна из самых главных задач, стоящих сегодня перед Грузией, – это нахождение своего пути экономического развития и параллельное сохранение своей специализации на мировом рынке. Делая выбор между ЕС и Россией в поисках основного экономического партнера, Тбилиси не просто идет на прагматический шаг, но определяет ценностные ориентиры и идентичность. Это объясняет, почему растущая неопределенность вокруг вступления Грузии в ЕС обусловила следующую формулу: «движение на пути к европейским стандартам и ценностям – само по себе уже достижение». Грузинские эксперты последовательно стараются сформировать прагматическую основу для экономического союза с Европой, указывая при этом на просчеты, допущенные в ходе реализации европейской интеграционной политики Саакашвили. В частности, грузинский экономист Владимир Папава высказал утверждение о том, что при ЕНД Грузия – невзирая на содействие европейской ориентации – развивалась по сингапурской экономической модели, которая увела страну от европейской экономической модели, да и от самой Европы.⁴²

И все же кроме европейской интеграции в Грузии прорабатывают и другие варианты.⁴³ Формула «Грузия – это Европа» активно насаждалась во время правления Саакашвили, но абсолютной поддержки в грузинском обществе она не получила. Не исключено, что с течением времени Тбилиси осознает, что демократия, свободный рынок и высокие стандарты в области государственного управления, невзирая на их значимость, далеко не исчерпывают потребности страны в плане достойного развития. Это важные инструменты, но они не являются самоцелью. Поэтому российская международная стратегия – хороший пример реализации курса, ориентированного на построение общего с Европой политического и экономического будущего. В отличие от Тбилиси Москва руководствуется прагматизмом и стремлением сохранить имеющиеся у нее рычаги в процессе интеграции в Европу. Фактически Россия не является альтернативой ЕС, поскольку Россия ставит перед собой задачи развития связей с ЕС с тем, чтобы стать его равноправным партнером.

В ноябре 2013 года ЕС и Грузия подписали Соглашения об ассоциации и свободной торговле. Это стало символическим достижением находящейся у власти грузинской политической элиты. Тем не менее, для ЕС такой шаг не был признанием европейской идентичности Грузии – он провел линию между Европой и Грузией. Аналогичным образом, ЕС подписал Соглашения об ассоциации с такими странами, как Алжир, Чили, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Марроко, ЮАР и пр., а также с Мексикой и Палестинской администрацией, не говоря уже о европейской Андорре, Исландии, Норвегии и Швейцарии – членах свободной торговой зоны. Переговоры о присоединении к этой зоне в настоящее время ведутся с

⁴² Владимир Папава, «Экономика Грузии: в поиске модели развития», *Мир перемен* 3 (2013): 54.

⁴³ Zaza Shatirishvili, “National Narratives and New Politics of Memory in Georgia,” *Small Wars & Insurgencies* 20:2 (June 2009): 391–399.

Колумбией, Перу, Южной Кореей и с рядом африканских стран, а также с государствами-членами Восточного партнерства.

Важно понимать, что европейские товаропроизводители вышли на рынки Центральной и Восточной Европы и в течение двадцати лет демонстрировали экономический рост за счет замещения отечественных производителей. То есть выходя на рынки сбыта в постсоветском пространстве, ЕС тиражирует такую же политику эксплуатации потребительских ресурсов вновь присоединившихся стран. В этих условиях можно вполне ожидать, что более дешевая европейская продукция помешает процессу восстановления грузинского производственного сектора. Любое грузинское руководство, в планы которого входит развитие отечественного промышленного комплекса, а не транзит услуг, должно принять меры по защите внутреннего рынка. В соответствии с нормативно-правовым подходом, который популярен в грузинских экспертных кругах, само существование международных институтов является гарантией эффективного регулирования внешнеэкономических процессов без ущерба для интересов всех участвующих субъектов. А между тем политика ряда крупных держав говорит об обратном – ведь такие страны, как США, Япония, Китай, ФРГ или Россия стремятся обеспечить для отечественных производителей преимущества в рамках реализации международных торговых режимов.

Что касается Абхазии и Южной Осетии, российская дипломатия заметно менее напористо добивается международного признания этих двух республик. Их членство в Евразийском таможенном союзе не представляется реалистичным.⁴⁴ Однако отсутствие широкого международного признания отнюдь не влияет на статус Абхазии и Южной Осетии, лидеры которых постоянно говорят о том, что российские гарантии их статуса являются всеобъемлющими.

Грузия понимает, что ни одна страна в мире не желает принять на себя значительные издержки по принуждению России к отказу от признания этих республик. В то же время, Тбилиси продолжает продвигать свою линию в отношении ситуации в Абхазии и Южной Осетии на различных международных платформах – но пока без ощутимого успеха. Да, США и ЕС активно поддерживают позицию Грузии, но эти влиятельные партнеры не будут вынуждать и не попытаются склонить Россию к тому, чтобы она изменила свою позицию. Более того, когда на этапе переговоров с ВТО возник вопрос о транзите по абхазской части российской границы, Вашингтон фактически заставил Тбилиси принять условия России. И голосование на ГА ООН по резолюциям, касающимся двух республик, которое для Грузии закончилось благополучно, не дало никаких практических результатов.

Хотя проходившие в Женеве переговоры внесли существенную лепту в обеспечение безопасности в двух конфликтных зонах, это вряд ли приведет к полному урегулированию существующих разногласий. В том числе это обусловлено тем,

⁴⁴ «Владислав Сурков: Мы преодолеем трудности, с которыми Южная Осетия столкнулась в предыдущий период», *Информационное агентство РЕС*, 4 декабря 2013 г., <http://cominf.org/en/node/1166500441> (по состоянию на 28 августа 2014).

что Грузия настаивает на признании Россией за собой статуса стороны конфликта августа 2008 года, а также отказом подписать проект Женевской декларации о неприменении силы.

Еще один блок разногласий между Россией и Грузией связан с дальнейшими перспективами развития европейской системы безопасности. Тбилиси активно выступает за расширение НАТО и стремится стать ее членом. В то же время Россия, признавая за Грузией право на выбор союзников, усматривает в продвижении НАТО к российским границам угрозу для собственной безопасности. И эта угроза заключается не только в формировании военной инфраструктуры Альянса вблизи российской границы – Москва опасается, что ее исключат из европейской системы безопасности.

Невзирая на данное Грузии в ходе Будапештского саммита 2008 года обещание принять страну в НАТО, никаких конкретных сроков при этом не оговаривалось, да и ПДЧ представлено не было. Процесс дальнейшего расширения НАТО за счет включения в ее состав стран СНГ, а именно Украины и Грузии, был инициирован администрацией Джорджа Буша и утвержден вновь вступившими в Альянс членами, хотя многие давние члены – прежде всего, Франция и ФРГ – не скрывали открытого скептицизма. В итоге позиция последней не в последнюю очередь обусловила провал этих планов. Администрация Барака Обамы приостановила процесс расширения состава НАТО и уже не давала связывающих Альянс обязательствами обещаний.

Основная часть грузинской политической элиты признает неопределенность перспектив вступления страны в НАТО, однако этот вопрос по-прежнему стоит на повестке дня. Между прочим, Тбилиси отказывается рассматривать другие механизмы обеспечения национальной безопасности, расценивая это как попытку нарушить принцип свободы выбора членства в альянсах. Данное утверждение красной нитью проходит по отношениям между Грузией и Россией.

Грузинские эксперты, как правило, переоценивают перспективы членства Грузии в НАТО и ЕС. Такая переоценка справедлива и в отношении присоединения к этим двум блокам – на фоне нерешенного вопроса о статусе Абхазии и Южной Осетии, препятствующего вступлению в НАТО, – и в отношении реальной цены гарантий, которые могут быть предоставлены Грузии как члену Альянса. У этой проблемы существует еще одна сторона, которую эксперты по большому счету игнорируют. Не исключено, что в результате вступления Грузии в НАТО при разработке военных планов Россия определит ее как территорию для нанесения удара. Еще одно возможное последствие – расширение военного присутствия России в Абхазии и Южной Осетии. Кроме того, эксперты, видимо, не учитывают тот факт, что движение по пути к членству в НАТО потребует укрепления военно-стратегических и культурно-экономических связей с Турцией, чего не приветствует значительная часть населения Грузии.

Необходимо подчеркнуть, что в противостоянии между Россией и Грузией любой торг представляется неуместным. России не нужно идти на уступки, чтобы заставить Грузию отказаться от стремления вступить в НАТО, поскольку здесь у

Тбилиси есть вполне реальные шансы на успех. У Грузии нет рычагов, чтобы вынудить Москву пересмотреть позицию по признанию независимости Абхазии и Южной Осетии – и это доказывает провал северокавказской политики Саакашвили. Нет неотложной необходимости в том, чтобы США и НАТО вкладывали дополнительные ресурсы для обеспечения заинтересованности Грузии, поскольку Тбилиси в любом случае заинтересован в укреплении сотрудничества с ними. Эти тенденции обеспечивают прогнозируемость и стабильность российско-грузинских отношений и позволяют Москве и Тбилиси взаимодействовать между собой, обходя при этом вопросы безопасности.

Десекуритизация отношений между двумя странами может произойти в результате снижения напряженности в политике Грузии на Северном Кавказе. В среднесрочной перспективе это откроет новые возможности для развития региона за счет активизации трансграничного сотрудничества и поэтапного дерегулирования процессов движения товаров и людей через русско-грузинскую границу.

Некоторой десекуритизации можно также ожидать и в отношениях Грузии с Абхазией и Южной Осетией. Включение общества обеих республик в совместные программы, реализуемые Москвой и Тбилиси, приведет к смещению акцента в грузинско-абхазских и грузинско-южноосетинских отношениях с вопросов о статусе и безопасности на вопросы практически ориентированного сотрудничества.

Самое важное – России невыгодно делать паузу в отношениях с Грузией. Иначе ее место займут другие державы, имеющие интересы в регионе. Например, Турция активизирует экономическое и политическое присутствие в Грузии. После распада Советского Союза отношения между двумя историческими конкурентами – Россией и Турцией – характеризовались положительной динамикой прежде всего потому, что страны уже не разделяла общая граница. Однако в процессе формирования новой – пусть и неформальной – границы на Кавказе такое развитие событий вряд ли стоит рассматривать в позитивном ключе. Более того, Грузию могут снова использовать – как считали во второй администрации Буша – в качестве антироссийского плацдарма. Самый пессимистичный сценарий бездействия России – постепенное ослабление Грузии и сокращение численности ее населения, превращение страны в территорию, которую каждый государственный и негосударственный субъект стремится дестабилизировать и использовать расположенную к Югу России державу в своих интересах.

Литература

Circassian Genocide In *Circassian Genocide Documents.*, 2014.

Georgia's Dangerous Slide Toward NATO. The National Interest, 2013.

Georgian Leader Emerges as an Enigma . *New York Times* (2012).

Justice or Vengeance? *The New York Times* (2012).

Lessons Learned from 20 Years of Independence and Statebuilding: Georgia. Carnegie Europe, 2011.

National Narratives and New Politics of Memory in Georgia. *Small Wars & Insurgencies* 20, no. 2 (2009): 391-399.

NATO's Georgia Nightmare. The National Interest, 2013.

No, NATO Shouldn't Let Georgia In. *The National Interest* (2013).

Remarks by President Obama in Address to the United Nations General Assembly. The White House, Office of the Press Secretary, 2013.

Saakashvili's Inaugural Address: Hitting the Right Notes. Embassy Tbilisi Unclassified Cable. Wikileaks Cable Gate Archive, 2008.

The World's Billionaires: #293 Bidzina Ivanishvili. Forbes, 2014.

Two Georgian Citizens Among Gunmen Killed in Clash at Russian Border. Civil Georgia, 2012.

В.В., Путин. *Пресс-конференция по итогам встречи с Президентом Украины Леонидом Кучмой.* Официальный сайт Президента России, 2004.

Вааль, Томас Де. *Грузия перед выбором: проработка перспектив в период неопределенности.* Фонд Карнеги за международный мир, 2011.

Вигнанский, Михаил. "Грузия не должна быть яблоком раздора между Западом и Россией." *Известия* (2012).

Владислав Сурков: *Мы преодолеем трудности, с которыми Южная Осетия столкнулась в предыдущий период.* Информационное агентство РЕС, 2013.

Дмитрий Медведев. *Интервью на телеканале ТФ-1.* официальный сайт Президента России, 2008.

Дмитрий Медведев: *Интервью Russia Today, ПИК и на радиостанции Эхо Москвы.* официальный сайт Президента России, 2011.

Дмитрий Медведев: *Совместная пресс-конференция с канцлером ФРГ Ангелой Меркель.* Официальный сайт Президента России, 2008.

Доклад независимой международной комиссии по установлению фактов о конфликте в Грузии. Международная комиссия по установлению фактов о конфликте в Грузии, 2009.

Закарейшвили, Паата. *Новое правительство Грузии – возможность для России нормализовать отношения с этим государством.* Общественный диалог, 2012.

Закарейшвили, Паата. *Признание альтернатив.* Фонд Генриха Болла, 2014.

Закон Грузии “Об оккупированных территориях”. Официальный сайт Министра Грузии по вопросам примирения и гражданского равенства, 2008.

Иванишвили: “Действия Саакашвили позволили России оккупировать наши территории”. *Гражданская Грузия* (2012).

Ирьева, Дарья. "МИД России назвал объяснения Альянса “дешевыми”." *Российская газета* (2010).

Карасин. К вопросу о снятии принятых в отношении Абхазии санкций. Аджар-ТВ (Грузия), 2008.

Кашеварова, Анастасия, and Юлия Цой. "Тамерлана Царнаева завербовали через Грузинский фонд." *Известия* (2013).

Межуев, Б.. "В Конгрессе США показали фильмы об ужасах режима Саакашвили." *Известия* (2013).

Министр иностранных дел России прокомментировал назначение Зураба Абахадзе. Первый канал (Грузия), 2012.

Москва попросит Грузию экстрадировать задержанного террориста ." *Грузия сегодня*(2013).

Обращение Бидзины Иванишвили к политикам, СМИ, общественности. *Новости Грузии* (2011).

Опрос общественного мнения в Грузии: популярность политических партий и отношение граждан к НАТО. Институт проблем Евразии, 2012.

Папава, Владимир. "Экономика Грузии: в поиске модели развития." *Мир перемен* 3 (2013): 54.

Посещение телеканала “Россия сегодня”. Официальный сайт Президента России, 2013.

Президент Грузии Саакашвили обещает мирным путем урегулировать конфликт с Россией. Официальный сайт европейского парламента, 2010.

Рокс, Юрий. "Грузия сама себе понизила рейтинг." *Независимая газета* (2013).

Саакашвили солгал? Запад начинает сомневаться в грузинском лидере. Шпигель, 2008.

Силаев, Николай, and Андрей Сушенцов. *Грузия после выборов и перспективы российско-грузинских отношений.* Москва: МГИМО, 2012.

Силаев, Николай. *Этнос и политика на Северном Кавказе: черкесский вопрос.* Москва: Кавказский центр исследовательских ресурсов, 2013.

Соглашение о прекращении огня и разделении воюющих сторон (Московское соглашение). . Официальный сайт ООН, 1994.

Соглашение о принципах урегулирования грузинско-осетинского конфликта (Сочинское соглашение). . Официальный сайт ООН, 1992.

Структурные подразделения. Официальный сайт Министерства иностранных дел Грузии, 2014.

Термин “оккупированные территории” неприменим к Абхазии и Южной Осетии – министр иностранных дел. Интерфакс, 2012.

Шарвиани, Нестан. *МИД Грузии: Москва намеренно не поняла «образную речь» Саакашвили.* Голос Америки, 2011.